

Александр Климов

Сельва

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Климов**
Сельва / Александр Климов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 68 с.

ISBN 978-5-458-03558-3

ISBN 978-5-458-03558-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Климов Александр
Сельва

Александр КЛИМОВ
СЕЛЬВА
Фантастическая повесть

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Арвин Най
Капрал Пихра
Буфи Илм
Лен Брас
Келин Квинн
Вако
Лен Брас
Буфи Илм
Келин Квинн
Лен Брас
Келин Квинн
Вако
Буфи Илм
Арвин Най
Келин Квинн
Буфи Илм
Вако
Келин Квинн
Капрал Пихра
Арвин Най
Лен Брас
Арвин Най
Капрал Пихра
Буфи Илм
Капрал Пихра
Арвин Най
Капрал Пихра
Арвин Най
Буфи Илм
Капрал Пихра
Арвин Най
Капрал Пихра
Арвин Най

Арвин Най
Скорпион ухватил клешней голенище сапога, лениво взмахнул

колючкой и нараспев произнес:

- Вечерним сумеркам приятен чайной розы аромат. Здравствуйте!
Почешите мне за ушами.

По дубленой коже сапога побежала янтарная маслянистая капелька яда.

Скорпион крупный, размером с кошку или комнатную собачонку. Под бурым просвечивающим панцирем угадывается бьющаяся спираль мозга. А может, это и не мозг вовсе, а что-нибудь другое. Например, желудок. Просто охотники и лесорубы так решили: спираль - мозг, и баста! А ученых на Ферре нет. Какой дурак сюда по доброй воле сунется?

- Восход встречает нас косою смерти острой, - ноет скорпион и снова тычет в голенище загнутым острым жалом. - Почешите мне за ушами!

Никаких ушей у него, конечно, нет. Как говорит и зачем - тоже не понятно. Но хорош! За такого красавца перекупщики отвалят монет десять, а то и двенадцать. На Эсте они в большой моде. Дамочки от них без ума: "Ах! Посмотри, дорогая! Это говорящий скорпион с Ферры! Муж купил его за бешеные деньги, но я не жалею. Он очень милый. Мы зовем его Пуппи!.."

Десять монет, конечно, жалко, но ничего не поделаешь. Не тащить же его с собой.

Достаю тесак и рассекаю скорпиона пополам. Хвост падает в траву и начинает дергаться, стреляя фонтанчиками яда. Клешня еще долго волочится за сапогом, пока идущий сзади капрал не наступит на нее.

Поляна заканчивается, и мы вновь углубляемся в джунгли. Сельва, как всегда, встречает безмолвием, влажным удушливым мраком и огромными стаями летающих клещей. Пиявки тысячами вылезают из трясин и черных пузырящихся луж.

Откуда-то из болот разносится жуткий протяжный вой. Я останавливаюсь, и капрал, налетев на меня, бьет в спину дулом огнемета. Но мне не больно. Мне страшно. Так страшно, что начинает кружиться голова. Ужас - мой вечный спутник. А может - друг? Наверное, только благодаря ему я еще и жив. Странно... Он не дает мне погибнуть и в то же время душит меня, как живая лиана - медленно, но неотвратимо.

В поселке меня называют счастливым, железным парнем, и никто не догадывается, что я пропитан страхом, как губка водой.

Никому не признался бы в этом, но себя обманывать глупо. И так кругом слишком много лжи.

Опять этот вой! Что там, в дымящейся трясине? Что-то новое? Родившееся вчера или секунду назад?

Надо идти, но ноги мои деревенеют. Руки мертвой хваткой сжимают теплую и влажную сталь автомата. Я ощущаю опасность кожей, каждым волоском, и чувство это настолько велико, что хочется бросить все: экспедицию, деньги и даже бессмертие - и бежать, бежать! Забиться в дупло, зарыться в землю... Но и это не поможет.

Кто-то хлопает меня по плечу. Это капрал.

- Что остановился, герой? - шипит он мне в лицо. Его глаза - желтые, с красными прожилками оказываются прямо против моих. - Испугался, проводник? Струсил?

Страх уже отпустил. Разворачиваюсь и бью Пихру под ложечку. Бью спокойно, равнодушно, но достаточно сильно.

Капрал, как куль с трухой, валится в хлюпающую грязь. Лицо его синее, рот судорожно открывается и закрывается.

Между нами, словно из-под земли, вырастает ботаник. В огромном кулачище зажат тесак.

- Тихо, вы, петухи! - кричит он. Шея багровеет, раздувается, налезает на воротник. - Нашли, где счеты сводить!

Лаборантка Келин Квинн опускается на землю. Она устала, и ей на все наплевать. Биолог словно проснулся. Он ничего не понимает и лишь трет носовым платком стекляшки очков. Лохматый узкоглазый Вако улыбается и ковыряет в ухе. Он всегда улыбается, когда назревает драка.

- Арвин! - сипит ботаник, как прохудившаяся крышка. - Брось свои штучки, а то пожалеешь! Пока я начальник экспедиции...

Я ухмыляюсь и отворачиваюсь.

Куда они без меня? Без Арвина. Ная они - покойники! Сельва шутить не любит. Молиться на мой страх должны!

Капрал поднимается. В груди у него что-то булькает и клопочет. Глаза побелели от злости.

Нет, лично против него я ничего не имею. Мне нет дела до Пихры, как и до всего экспедиционного корпуса. А что взбучку получил - сам виноват: нечего угадывать то, в чем человек может признаться лишь самому себе. Да и то не всегда.

- Ну ничего, это тебе зачтется, - хрипит Пихра.

Врет! Пока мы в сельве, он меня и пальцем не тронет!

Сзади раздаётся уханье и повизгивание. Трудно поверить, но это смех! Вако веселится, тыча пальцем в заляпанное грязью лицо капрала. Он слабоумный, и у него свои понятия о юморе.

Келин начинает плакать. Голова ее дергается, плечи трясутся.

Сумасшедший дом.

И вдруг из болот снова доносится тот жуткий вой. Стена кустарника колыхнется, взметая облака желтой цветочной пыльцы.

Капрал Пихра

Стена кустарника колыхнется, взметая облака желтой цветочной пыльцы.

Стараюсь не дышать, но она, как живая, заползает в легкие, режет глаза. У носильщика горлом идет кровь.

Мне тоже не легче. Кажется, что в грудной клетке поселился еж, и он ворочается, ворочается, пытаюсь найти путь на свободу.

Но ничего! Скоро все будет по-другому! Дерево вылечит мои больные легкие. Оно одно может помочь мне. И тогда - прощай, Ферра, мир гниющего леса и желтой ядовитой пыльцы. Я увижу моих малышей! И Марцию... Ведь они ждут меня. Пусть кто-нибудь посмеет сказать, что нет!

А из болота опять доносится рев. Кустарник уже не шевелится, но нам все равно чудится, что в нем прячется что-то большое и темное.

Най опять окаменел. Жаль, что с ним нельзя расправиться прямо сейчас. Без его нюха нам не выпутаться. Но он еще свое получит; дай только до Дерева добраться!

Вако - слабоумный, в сапогах и рваной куртке на голое тело, тоже слышит рев и сразу перестает смеяться, как будто в рот ему забили пробку. В поселке кланялся мне в пояс, а тут надо же, осмелел! Смеется! Не иначе, поддержку ботаника чувствует.

Ну что ж. И это припомним.

А Най все стоит в параличе. Хорош проводник: с места не сдвинешь. Правда, везучий он, ничего не скажешь. Столько лет в сельве - и до сих пор жив! Но негодяй, конечно, как и все кругом.

- Ну что, идем? - спрашиваю, ни к кому в отдельности не обращаясь. Или так и будем до ночи стоять?

Проводник молчит, к чему-то прислушивается, а все смотрят ему в рот, словно оттуда того и гляди выскочит золотая монета.

Бунтарь! На Эсте участвовал в беспорядках, был отправлен на Ферру, чтобы воду не мутил, а туда же - пророка из себя корчит!

Ну, с этим пора кончать. Пока Най размышляет, джунгли прихлопнут нас и мокрого места не оставят.

Отталкиваю носильщика и выхожу вперед. Арвин что-то кричит, но я не слушаю. Также не мальчик, знаю, что делать!

Поднимаю дуло огнемета, открываю кран и щелкаю разрядни-

ком.

Тонкая, ослепительно белая нитка вылетает из раструба и разрастается в бушующий огненный цветок. Наступаю на кусты, передвигая дуло слева направо. Шланги хлопают по бедрам, ресницы скручиваются от нестерпимой жары. Оранжевый смерч гуляет по болоту, бенгальскими огнями разлетаются во все стороны горящие насекомые. Трясина закипает. В ней что-то ворочается, стонет, но в конце концов затихает.

Вот и все. Только голова немного кружится, будто я охмелел от собственного могущества. И баллоны стали легче, но их содержимого еще хватит, чтобы устроить не один такой фейерверк.

На месте кустов и болота - ровная площадка засохшей растрескавшейся грязи. Над сельвой тянется длинный язык гари. Запах такой, словно подожгли огромную кучу мусора. И чего было думать? Уничтожить - и дело с концом!

Все уставились на результаты моей работы, будто перед ними не какая-то выжженная яма, а по крайней мере россыпь изумрудов пополам с шевелящимися гадюками.

- Кретин! - бросает мне Арвин Най. Я кидаюсь на него, но кто-то мягко останавливает меня за руку. Это Буфи Илм.

- Напрасно вы это сделали, Пихра, - говорит он, стаскивая с носа очки и подслеповато глядя мне в лицо. - С сельвой нельзя так. Она не терпит грубости. Сейчас наступит реакция, и мы даже представить себе не можем, в чем она проявится. Я же объяснял вам: уничтожьте травинку, крохотный листик, и что-то неуловимо изменится вокруг вас! Вы же сожгли целую стену кустарника...

Умник! Порой мне невыносимо хочется схватить его за жиденькие волосы и стукнуть лбом о землю, чтобы наконец объяснить ему, где он находится. Богатому мальчику захотелось приключений, и он не успел оглянуться, как оказался на Ферре, по уши в грязи, со всяким сбродом в одной упряжке. Да ведь не поймет...

Я ненавижу их - сытых, гладеньких. Биолога Илма, сочиняющего бредовые теории и не замечающего, сколько злости накопилось вокруг него, и Келин куклу с пустыми глазами, и ботаника Браса, хотя он такой же ботаник, как я белошвейка. Они могут вернуться домой, на Эсту. Дерево для них - только путь к большим деньгам, славе, положению в обществе. Для меня же оно единственная возможность вернуться к моим малышам. Вако, Най и носильщик люди грубые, жестокие, но они так же, как и я, прикованы к Ферре спорами, превратившими их легкие в кровоточащий панцирь, не способный дышать чистым воздухом. Они - свои, как бы плохи они

ни были.

А эти... Сделают свои деньги и улетят на Эсту, где нет ни болот, ни сельвы, ни желтой пыли.

Но и я непрост! Я тоже улечу! Чего бы мне это ни стоило. Ползком, но доберусь до Дерева! Ведь на Эсте меня ждут дети и Марция. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что нет!

- Болото не обойти, - говорит Най, щелкая затвором автомата.

Буфи Илм

- Болото не обойти, - говорит Най, щелкая затвором автомата.

Арвину можно верить. Не знаю уж, чем это объясняется, но у него поразительно развито чувство опасности. И если он утверждает, что другой дороги нет, значит, так оно и есть.

Трогаемся вперед, пуская в авангарде носильщика. Бедняга побелел от страха. Он что-то лопочет на жаргоне феррианских лесорубов, но от волнения проглатывает окончания, и разобрать, что он говорит, совершенно невозможно.

Чудовищный порядок - пускать вперед носильщиков, проверяя на них опасные тропы. Пускай он наименее ценный член экспедиции, разве от этого ему меньше хочется жить? Сколько раз я пытался убедить Лена Браса, что такого понятия, как ценность, применительно к жизни человека просто не может существовать. Но Брас лишь кисло улыбался и разводил руками: "Так принято..." Страшные слова. Страшнее всех ужасов сельвы вместе взятых.

А может, под маской рационализма прячется элементарная трусость? Но тогда я - первый среди трусов, потому что мне тоже жалко своей жизни и я ничего не делаю, чтобы изменить этот варварский порядок.

Да и так ли кровожадна сельва? Еще на Эсте, пытаясь изучать Ферру по документам, образцам и фотографиям, я догадался, что сельва - не просто бескрайние болотистые джунгли. Все наводило на мысль, что это какая-то сложная сбалансированная система, в которой каждая травинка, листок, мошка - на своем и только своем месте. Стоит им исчезнуть, и их тут же заменит что-то другое. Это может быть нечто совсем безобидное - новое дерево, необычный цветок, но в результате такой замены может появиться и говорящий скорпион, и живая цветочная пыльца, и лиана-удавка. Функциональная связь между травинкой и чудовищем не прослеживается, но это вовсе не значит, что ее нет. Сельва латает раны, нанесенные человеком, и ей, конечно, виднее, как это сделать.

Человек же в джунглях - инородное тело, но настолько крохотное, что Ферра скорее всего и не подозревает о его существовании. Ли-

ана-удавка не предназначена для ловли людей. У нее свои, не известные нам функции, правда, от этого она не становится менее опасной. Аборигены - частица сельвы, микроскопический ее винтик, а разве машина станет разрушать деталь самой себя?

Носильщик нехотя ступает на спекшуюся землю. Капрал подталкивает его дулом огнемета. Пихра жесток, но, по-моему, он глубоко несчастный человек, от горя своего опустившийся, теряющий доброту, как воздушный шар подъемную силу. Но, может быть, я ошибаюсь, и он был таким всегда? Носильщик для него - насекомое, и даже хуже. Жук, повинувшись инстинкту, может и укусить, носильщик же под дулом огнемета и слова сказать не посмеет.

Нет. Не верю!

Носильщик шаг за шагом продвигается по черному хрустящему пеплу. Келин от ужаса и предчувствия беды закрывает лицо руками. Пряди светлых волос выбиваются между пальцами, как мягкие живые водопады. Куда ее занесло? Не могу поверить, что она добровольно работает в этом аду. Она не похожа на искательницу приключений.

И вообще странно все это. Мы живем какой-то двойной жизнью. Похоже, что из них я один не представляю, что творится вокруг.

Най стоит у края болота, положив искусанные клещами руки на автомат. Он смотрит куда-то вверх. Лицо его угрюмо и непроницаемо. Рыжая борода свалылась. В ней застряли кружочки высохшей ряски.

Сильный человек, но его тоже что-то гложет, впрочем, как и всех на Ферре. Но разве узнаешь, что? Здесь надо жизнь прожить, чтобы понять этих странных людей. Для них мы чужаки.

Най плотнее затягивает ремешки каски. Мне бы хотелось иметь такого друга. Только, похоже, в дружбе здесь не нуждаются.

Поднимаю голову и тоже смотрю на джунгли.

С деревьями определенно что-то происходит.

Лен Брас

С деревьями определенно что-то происходит.

Сначала высокие и стройные, как свечи, они начинают изгибаться, кроны их разрастаются, образуя над болотом купол из ветвей. Стволы розовеют, покрываются чешуей с красными насечками. Листва редет, сквозь нее виднеются громадные плоды с крупными шипами. Сверху, словно серпантин с рождественской елки, спускаются спирали воздушных корешков. Коснувшись земли, они проворно зарываются в грунт.

Такого видеть мне еще не приходилось. Наверное, Пихра осно-

вательно растревожил сельву. Но время идет, а опасности не видно.

Носильщик перешагивает через спутанные корни, стараясь по возможности не касаться гибких молодых побегов. Кажется, он и сам уже поверил, что опасность миновала. В начале пути у нас было шестеро носильщиков, теперь остался только один...

- Назад! - раздается вдруг у меня прямо над ухом крик Ная. - Быстрее!

Носильщик оборачивается и непонимающе крутит головой.

Внезапно, будто крышка гроба, поднимается и отваливается в сторону пласт сухой земли. Еще один, еще!.. Все болото приходит в движение. Спекшаяся корка трескается, лопается, идет волнами.

Носильщик, бросив поклажу, несется обратно. Он еще не понимает, что происходит.

Я тоже не понимаю, да и не я один. Глаза Пихры вот-вот вывалятся из орбит. Келин сжалась в комок, словно маленькая испуганная зверюшка. Илм стоит, будто ему прострелило поясницу, и, трудно поверить, на лице его смесь страха и восхищения. Ей-богу, он самый ненормальный среди нашего бродячего бедлама.

А вот Арвин сел на вещмешок и спокойно курит. Уж он-то знает, что произойдет через минуту. Нюх, как у собаки - старой, битой, стреляной, на своей шкуре узнавшей, чего стоит украденное мясо. Железный парень. Лучшего проводника никто не смог бы найти.

Из трещин в земле начинают бить фонтанчики жидкой грязи. Она растекается, снова превращая поляну в непроходимое болото.

Носильщик уже увяз по колено. Он пытается вырваться из трясины, но она засасывает его все глубже и глубже.

Илм срывает с плеча моток веревки, дрожащими пальцами привязывает груз и бросает конец носильщику. Но веревка коротка: не хватает каких-нибудь двух-трех метров...

Грязь прибывает. Еще мгновение, и над поверхностью болота виднеется лишь бритая голова. Как ни странно, носильщик не кричит. Глаза его полны не ужасом, а тоской. Тоской по жизни, пусть это всего лишь жизнь нищего работяги на зараженной спорами планете. Кажется, в этом биолог прав...

Но мне нельзя размякать. Дело - прежде всего. Остальное - бред и чепуха!

Вот и все. Сельва проглотила человека, и гром не грянул, и мир не рухнул...

Арвин Най выплевывает окурок и встает.

- Пойдемте, - говорит он, вытаскивая из мешка надувной плот.